

### ОБРАЗ МИФИЧЕСКОЙ ПТИЦЫ В БУРЯТСКОЙ ГЭСЭРИАДЕ

*Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2)*

**Аннотация:** В статье рассматривается образ Гаруды в бурятской Гэсэриаде. Автор приходит к выводу о том, что появление в рассматриваемых текстах пришедшего из буддийской мифологии образа мифической птицы представляет особый прием ассоциаций, который придает повествованию сказочность.

**Ключевые слова:** эпос, образ, птица, Гаруда, улигер, мифология.

Ayusheeva Erzhena Bairovna  
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Ulan-Ude, Russia

### THE IMAGE OF THE MYTHICAL BIRD IN THE BURYAT GESERIADA

**Abstract:** In article Garuda's image in the Buryat Geseriada is considered. The author comes to a conclusion that emergence presents special reception of associations which gives to the narration fabulousness in the considered texts of the image of a mythical bird which has come from Buddhist mythology.

**Keywords:** epos, image, bird, Garuda, uliger, mythology.

Устойчивость бытования фольклорных текстов объясняется не только их художественной ценностью, но и замедленностью изменений в образе жизни, мировоззрении, вкусах их основных творцов и хранителей. Однако в целом традиционность имеет в народном творчестве неизмеримо большую силу, чем в профессиональном литературном творчестве. Поэтому процесс проникновения буддийских элементов в эпос монгольских народов и его адаптации – долгий процесс привыкания и принятия новых образов.

Г.Д. Санжеев считает несомненным то, что героический эпос монгольских народов начал складываться у монголов в XII-XIII вв. на базе шаманистского эпоса [Санжеев, 1937, с. 12]. Этим объясняется и то, что в бурятском эпосе сохранился внушительный слой мифологической картины мира, отражающий добуддийское мировидение, но все же в повествовательной ткани бурятской Гэсэриады встречаются буддийские образы, которые настолько органично вплелись в художественную канву эпического произведения, что не воспринимаются как привнесенные извне. Одним из таких образов, проникших из буддийской мифологии является образ гигантской мифической птицы, царя птиц и пожирателя змей Гаруды. Этот образ из древнеиндийской мифологии перешел в буддийскую, откуда и распространился по всей территории Центральной Азии и Южной Сибири.

В индуистской мифологии орел Гаруда (*Garuda* санскр. 'пожиратель') является прародителем и царём птиц, ездовым животным Вишну. Поражающий своими размерами Гаруда привёл в смятение даже богов, увидевших в небе исполинского орла, затмившего своим блеском солнце. Он стал олицетворением солнечной природы и антагонистом змей. Хан Гаруди – популярный персонаж в фольклоре народов Центральной Азии и Южной Сибири: у алтайцев *Кэрэдэ*, у тувинцев *Хэрэти*, у саха *Хардай* [Мифологический словарь, 1991, с. 142]. Возможно, именно благодаря своей солярной характеристике Гаруда стал одним из популярных персонажей в фольклоре многих народов на территории Центральной Азии и Сибири.

По легенде, Гаруда явился из яйца полностью сформировавшимся, как только он вылупился, его огромная, наводящая ужас форма заполнила все небеса, взмах его крыльев вызвал бурю, которая сотрясала землю, а невероятное ослепляющее сияние, исходящее из его золотого тела, вынудило даже богов принять его за бога огня. Изначально индийский Гаруда, «господин всех пернатых созданий» изображался как огромная птица, позднее он принял форму человека-птицы. А в Тибете индийский Гаруда сблизился с мифической бонской птицей *кхадинг* (тиб. *mkha'lding*), «рогатым орлом», царём птиц и птиц огня религии бон [Бир, 2011, с. 69-70]. На основе созвучного произношения и внешнего сходства можно предположить, что в улигере западных бурят сохранилось тибетское название огромной мифической птицы, реализовавшейся в образе Ханхан Хэрдиг, который предстает в одном из эпизодов эхирит-булагатской Гэсэриады.

В качестве испытания отец Гагурай Ногоон-духэй велит Гэсэру принести перо Ханхан Хэрдиг-птицы. В эпосе реализуется статус Гаруды как противника нагов, дети Гаруды оказываются в смертельной опасности, исходящей от гигантского змея, съедающего каждый день по одной из дочерей Гаруды. Гэсэр спасает оставшихся в живых детей от смерти, уничтожив змея. За это Гаруда отдает герою свой нож-перо, от веса которого покосился дворец отца нареченной Галта Улан тэнгрия.

Гэсэр братается с Гарудой и становится с ним «лет на десять друзьями, лет на пять приятелями» [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 108, 112], и это позволяет отнести его к положительно окрашенным образам, соотнесенным с добрым началом. Эпизод с Ханхан Хэрдиг-птицей в эхирит-булагатском улигере очень напоминает содержание монгольских мифов о спасении героем детей этого мифического персонажа. Незначительные отличия заключаются в назывании Гаруды либо матерью, либо отцом спасенных детенышей.

В унгинском эпосе (П. Петров) также встречается образ огромной мифической птицы Ганга Зада шубун, имеющей дар речи. Ее создают три шараблинских хана, являющиеся перевоплощением свергнутых с неба сыновей восточного тэнгрия Атай Улана [Петров, 1960, с. 113]. Шараблинские ханы вслед за сорокой и вороном отправляют птицу Ганга Зада искать жену для сына старшего хана. Кровожадность Ганга Зада птицы, служение представителям восточных тэнгриев определяют ее принадлежность к отрицательным образам.

Когда птица опускается на крышу жилища Абай Гэсэра, Алма Мэргэн стрелой сбивает с нее ножевое перо, которое с трудом везут семьдесят коней с упряжкой. Изображение гигантской по размерам и весу пера мифической птицы сближает образы Гаруды и Ганга Зада птицы.

В монгольской Гэсэриаде Цзуру (Гэсэр) убивает вещую птицу Гаруду и прикалывает два ее пера к шапке своей жены Рогмо-гоа, чем вызывает зависть жен знатнейших мужей улуса. В монгольской Гэсэриаде Гаруда не обозначена рельефно как гигантская мифическая птица, о ее уникальности мы можем судить только по эпитету «вещая» и по реакции людей на «редкостную облаву» на нее. Здесь также встречается мотив пера, но он не гиперболизирован, как в бурятской Гэсэриаде.

В эхирит-булагатском улигере название мифической птицы Гаруда (Ханхан Хэрдиг-птица) отличается от ее имени в унгинском (Ганга Зада птица) и монгольском (Гаруди) эпосах. Несмотря на это, есть основания полагать, что в данном случае речь идет об одном и том же эпическом образе. В унгинском и монгольском эпосах эта птица не проявляет мифических черт, не разговаривает с героем. Указываются только ее огромные размеры и большой вес одного ее пера в унгинской версии, в монгольском же эпосе Гаруда именуется «вещей» [Гэсэр, 1986, с. 51]. При этом подчеркивается ее необычность, а в бурятских вариантах гиперболизация образа, сходства в описании и наличие в эпизодах сходных мотивов дают основание полагать, что во всех приведенных вариантах Гэсэриады мы встречаем образ Гаруды.

Птица Гаруда стала одним из самых популярных мотивов в фольклоре монгольских народов. Этот мотив хоть и имеет в художественной ткани эпосов эпизодический и вспомогательный характер, все же существует в эпической традиции не случайно. В этом видится особый прием ассоциаций, который вызывает у слушателей эпического произведения яркое и рельефное впечатление о силе героя эпоса, его ловкости и особых воинских качествах.

Гаруда, пришедшая в буддизм из вишнуизма, при переработке данного мотива архаической традицией не утрачивает свои мифические свойства и трансформируется в бурятских улигерах в мотив гигантской птицы Ханхан Хэрдиг в эхирит-булагатском улигере и Ганга Зада птицы в унгинском. В то время как в монгольских эпических произведениях мотив этот сохраняется. Появление в эпосе этой волшебной мифической птицы придает тексту особую красочность и сказочность.

Таким образом, образ птицы Гаруды, восходящий к богатейшей традиции древнеиндийской цивилизации, вошел в мифологическое мировосприятие кочевых монгольских народов. В эпосе образ гигантской птицы стал одним из основных в ряду постоянных мифологических образов. Об этом свидетельствует присутствие этого персонажного образа во многих эпических произведениях монгольских народов, как в наиболее архаичном бурятском эпосе, так и в более поздних устных вариантах, а также в книжных версиях.

### Литература

Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И.Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А.И.Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.

Абай Гэсэр-хубун: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншуга Имегенова; Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; Вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс.НИИ. Улан-Удэ, 1961. 231 с.

Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. Пер. с англ. Л. Бубенковой. М: Ориенталия, 2011. 428 с.

Гэсэр. Сонгомол эхийг боловсруулж удиртгал, тайлбар бичсэн академич Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986. 223 т.

Мифологический словарь / Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.

Санжеев Г.Д. Предисловие // Монгольская повесть о Хане Харангуй. Предисловие Г.Д. Санжеева. М., Л.: Академия наук СССР, 1937. 171 с.